

Фрост чувствовал, что в России есть своя, особая демократическая жизнь, но из-за языкового барьера он редко мог в ней участвовать. Если отбросить коммунистическую демагогию, взаимоотношения людей в России свойственны равноправие, легкость и открытость, поэтому каждый день их жизни богат событиями, и он приносит им ощущение, что прожит не зря. Несмотря на все разглагольствования и запрограммированность социализма, русские люди чувствуют себя очень даже личностями. Им свойственны гордость и энергия, патриотизм и идеализм. Они горячо спорят и страстно любят. Они знают: жизнь очень запутанна; азартно распутывая ее хитросплетения, они ощущают полноту бытия. Так много еще предстоит сделать, что каждый может верить в важность своего личного вклада в будущее. Споры о смысле жизни ведутся всерьез, и искусство ныне имеет такой же мощный социальный заряд, как и сто лет назад. Интерес, проявляемый в нашей стране к современным русским писателям, зачастую находится в прямой зависимости от шума из-за обрушивающихся на них нападков. Мы неплохо знаем русскую классику. Русские, знающие американскую классику не так хорошо, интересуются нашими современными авторами в той степени, в какой они умеют ярко отобразить то, что русские считают основными жизненными ценностями. Из американских прозаиков они безумно любят Хемингуэя; из ныне здравствующих писателей предпочитают Дж. Д. Сэлинджера и Джона Апдайка. Ибо, настаивают они, в жизни все финалы счастливые. Они начали восторгаться Фростом, когда усвоили то, что “усвоил” он: из одинокого вопрошания вырастают утверждение доброты и мысль о конечном торжестве человека.

Фрост не решался безоговорочно принять восхищение русских и признать высокое достоинство и энергию русской интеллигенции. Он отказывался рассматривать